

ГЛАВА 2

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОГРАФИИ: ГРАНИЦЫ ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ

Проблему временных границ («исчезновения» предмета исследования) этнографии обычно связывают с переходом первобытных народов к европейскому образу жизни. В данном случае мы оставляем в стороне печальный факт их демографического исчезновения. Нас интересует научная сторона проблемы. К. Леви-Стросс выразил это следующим образом: «Так называемые „примитивные“, или „архаические“, народы не исчезают, не превращаются в ничто. Напротив, они более или менее быстро ассимилируются окружающей их цивилизацией; последняя в свою очередь приобретает универсальный характер» [Леви-Стросс 1999 : 31]. Естественным результатом этого исторического процесса считается возвращение этнографии в лоно социологии, откуда она якобы когда-то вышла. При вполне добросовестном желании спасти этнографию от неминуемой и окончательной гибели социологическая концепция происхождения этнографии опирается не на факты, а на умозрительные выводы, которые интерпретируются в пользу генетического родства двух дисциплин. По мнению яркого представителя французской школы этнологии Жака Маке, особенности этнологии определяются тем, что «предмет ее исследования — общество, которому неизвестна письменность», но «изучение социальных явлений в группах, не имеющих письменности, представляет собой скорее специализацию внутри дисциплины, чем самоё дисциплину» [Маке 1974 : 10]. Подобные выводы об этнографии как отрасли социологии звучат особенно забавно, если учесть точку зрения Леви-Стросса: «Если

в ней видеть, как это имеет место в англосаксонских странах, совокупность позитивных (эмпирических. — П. Б.) исследований, посвященных организации и деятельности обществ наиболее сложного типа, то социология становится особым рода этнографической дисциплиной» [Леви-Строс 1983 : 9]. Тот же самый аргумент развернут в противоположную сторону.

Так как этнография (этнология, или социальная антропология) изучает «социальные явления», ее положение младшей сестры социологии не требует никаких доказательств. Достаточно бросить мимоходом несколько фраз о том, что этнология внесла весьма ценный вклад в научное познание социальных явлений или что изучение бесписьменных обществ значительно обогатило социологию [Маке 1974 : 10]. Безапелляционность подобных высказываний подразумевает наличие множества известных всем аргументов, подтверждающих социологическое происхождение этнологии. В действительности приводится только один. По словам Маке, то, что изучение бесписьменных обществ превратилось в дисциплину, отличную от социологии, прерогатива которой состоит в изучении социальных явлений Запада, свидетельствует о проявлении расизма, пусть и бессознательном [Маке 1974 : 10].

Этнография и социология

Тезис о социологических корнях антропологии (в девичестве этнологии) особенную популярность приобрел еще среди основателей британской ветви этой научной дисциплины, что выражается в самом названии «социальная антропология». Например, уже Фрэнк (по образованию филолог) считал социальную антропологию социологическим исследованием «примитивных форм общества».

Малиновский определял социальную антропологию как отрасль социологии, изучающую «примитивные племена». По его мнению, такие фундаментальные для теории Моргана понятия, как «промискуитет», «групповой брак», «кровнородственная семья» и др., происходят от отсутствия у него должного «социологического образования», от того, что он не был «профессиональным исследователем человеческого общества». Что более всего удивляет «современного социолога» (читай, самого Малиновского), так это тот факт, что ни один из последователей